

— Су Пэйшэн, поклонившись, принял приказ и тут же удалился, чтобы всё устроить.

Новость в одночасье облетела задние дворцы, и обитатели каждой обители засуетились. Возможность сопровождать Императора в Юаньминъюань означала шанс постоянно находиться подле него, а за такое в гареме боролись все.

Во дворце Яньси:

— Госпожа, Внутреннее ведомство составило список сопровождающих, и ваше имя в самом начале, — Цин Лань, принеся только что переписанный свиток, быстро вошла в комнату и радостно улыбнулась. — Помимо Императрицы, Благородной супруги Хуа и наложницы Ци, только вы да госпожа Сян занимаете столь высокое положение. В сердце Императора вы по-прежнему занимаете особое место.

Ань Линжун подняла взгляд, пробежалась глазами по списку и провела кончиками пальцев по бумаге. Её взгляд скользил по именам, и, как она и ожидала, имени Чжэнь Хуань там не было. Она прекрасно понимала: с тех пор как Чжэнь Хуань провалила попытку привлечь внимание Императора, играя на флейте у пруда с карпами, и была наказана тремя днями заточения, она окончательно утратила его благосклонность. Однако Ань Линжун знала и то, что Императрица не упустит столь удачного случая воспользоваться чужими руками для расправы.

И действительно, в тот же день, когда список доставили во дворец Цзинжэнь, Императрица, глядя на имена и перебирая чётки, произнесла:

— В списке не хватает одного человека.

Цзянь Цю замерла и, поклонившись, спросила:

— Ваше Величество, все главные наложницы и любимицы Императора внесены. О ком вы изволите говорить?

— Непостоянная госпожа Вань, Чжэнь Хуань, — Императрица отложила чётки, а уголки её губ тронула едва заметная улыбка. — Внеси её имя.

Цзянь Цю испуганно воскликнула:

— Ваше Величество? Непостоянная госпожа Вань нынче в опале, Император даже слышать её имя не желает. Если мы добавим её, не прогневается ли он?

— Благородная супруга Хуа все эти годы, полагаясь на клан Нянь, становится всё более своевольной. Я как раз ломала голову, кому бы разделить её милость и сбить с неё спесь, — Императрица подняла чашку и сделала маленький глоток. — Чжэнь Хуань — лучший клинок. Разве не будет мне на руку, если я возьму её в Юаньминъюань и буду наблюдать за схваткой тигров с вершины горы?

— Ваша мудрость безгранична, Ваше Величество! Рабыня сейчас же пойдёт и добавит имя непостоянной госпожи Вань.

— Помни: только добавь имя, лишнего не говори, — наставила Императрица. — Император занят государственными делами и не заметит, что в списке на одну мелкую госпожу больше. А если позже спросит — отвечу, что непостоянная госпожа Вань оправилась от болезни, и я решила, что ей полезно будет провести лето в Юаньминъюань, дабы поправить здоровье. Это проявление заботы, Император не станет придавать этому значения.

— Рабыня поняла.

На следующий день исправленный список доставили во дворец Янсинь. Юнчжэн, разумеется, не стал вчитываться, лишь мельком просмотрел имена главных наложниц и, взмахнув кистью, поставил красную пометку об одобрении. Все его мысли были заняты засухой и государственными делами; он даже не заметил, что в конце списка добавилось пять иероглифов: непостоянная госпожа Вань — Чжэнь Хуань.

Как только список официально обнародовали, по гарему поползли слухи.

В Беседке Осколков Нефрита Чжэнь Хуань, глядя на представленный перед ней свиток, провела пальцем по своему имени и не могла поверить своим глазам. Она и не думала, что сможет поехать в Юаньминъюань. В её глазах вновь вспыхнула надежда на возвращение милости.

— Госпожа, посмотрите! Ваше имя в списке! — воскликнула Лючжу. — Мы едем в Юаньминъюань! Как только вы увидите с Императором, вы непременно вернёте его расположение!

Хуаньби, сияя от радости, добавила:

— Я сейчас же пойду собирать вещи. Обязательно подготовлю для вас самые лучшие наряды и украшения. Прибыв в Юаньминъюань, вы непременно поразите Императора!

Чжэнь Хуань знала, что Император презирает её и не стал бы по своей воле вносить её в список — это наверняка дело рук Императрицы. Вспоминая слова, сказанные ей ранее, Чжэнь Хуань ощутила горечь, но сейчас это был единственный шанс выкарабкаться. Даже если бы ей предстояло пройти по ножам и огню, она обязана была это сделать.

В отличие от суеты и оживления в других покоях, во флигеле дворца Чжунцуй, где жила Юй Иньэр, царили запустение и тоска. После инцидента у пруда с карпами и последующего домашнего ареста милость к ней таяла с каждым днём. Она была бывшей служанкой, ничему не училась, и в её манерах сквозила неискоренимая грубость. Раньше, когда она была в фаворе, ей удавалось хоть немного себя сдерживать, но после восстановления в правах она вернулась к прежним повадкам.

Несколько дней назад в Императорском саду она столкнулась с непостоянной госпожой Синь и прилюдно разразилась бранью. Слова были настолько вульгарны, что их случайно услышал проходивший мимо Юнчжэн. Император и без того был сыт по горло её неумением вести себя подобающе, а увидев в ней сварливую торговку, помрачнел, взмахнул рукавом и ушёл, даже не соизволив сделать выговор. С тех пор Юнчжэн ни разу не заказывал её табличку.

Теперь, когда огласили список сопровождающих, её имени в нём не оказалось. Юй Инъэр сидела в пустой комнате, смотрела на пустой стол и, в ярости смахнув чашку, пронзительно закричала:

— Кучка собачьих слуг! Увидев, что я лишилась милости, посмели так со мной обращаться! Император непременно вернёт меня в фаворитки, и тогда я с живых с вас шкуру сдеру!

Но как бы она ни кричала, в глубине души она была в ужасе. Она знала, что терпение Императора истощается, и единственной её опорой была его благосклонность.

Два дня пролетели незаметно, и настал день отъезда. Едва забрезжил рассвет, как у ворот Умэнь в Запретном городе выстроился бесконечный кортеж. Впереди следовал ярко-жёлтый императорский паланкин, за ним — кареты наложниц, а вокруг — плотное кольцо охраны и слуг. Краю этой процессии не было видно. С окриком Су Пэйшэна о начале движения огромная колонна медленно тронулась в сторону Юаньминъюань.

Когда кортеж прибыл, зной был подавлен прохладой лесов и вод Тайечи. Внутреннее ведомство уже подготовило покои, и наложницы заняли свои места. Императрица поселилась в главном дворце Чанчуньсяньгуань, тайно разместив Чжэнь Хуань в самом отдалённом западном флигеле того же двора, строго приказав хранить молчание и начав её тайное обучение. Благородная супруга Хуа заняла роскошный дворец Лоуюэкайюнь, соседствующий с павильоном Пионов, а Ань Линжун, по особому распоряжению Императора, поселили в прохладном павильоне Синхуачуньгуань, окружённом прудами и деревьями. Шэнь Мэйчжуан, наложница Ци, госпожа Сян и другие заняли прочие павильоны, а наложницы низкого ранга были размещены в отдалённом Улинчуньсэ.

Едва Ань Линжун переступила порог Синхуачуньгуань, как её обдало прохладным ветром, настоящим на аромате трав и воды. Двор был разбит на небольшом склоне, перед дверью мерцала гладь пруда, а плакучие ивы едва касались воды. Залы были просторными и светлыми, полы из зелёного кирпича излучали естественную прохладу, а отсутствие лишних украшений приносило покой.

Внутри уже стояли предметы для спасения от жары, изготовленные по особому заказу Императора. В центре стояла кушетка из цельного куска белого нефрита Ланьтянь — холодная и гладкая на ощупь, она мгновенно дарила прохладу. На дверях висели шторы из тончайшего хрусталя, звенящие при каждом порыве ветра, защищая от насекомых и не препятствуя воздуху. В углах стояли массивные сандаловые сосуды со льдом, от которых веяло холодом; на верхних полках лежали привезённые из Цзяннани чай Сюэдин Ханьцуй, свежие личи и хрустящие дыни, сохранившие даже иней.

Цин Лань вошла следом и, оглядевшись, радостно прошептала, осторожно касаясь кушетки:

— Госпожа, здесь должно быть очень удобно лежать. Император не забыл, что вы плохо переносите жару. Все эти вещи сделаны в единственном экземпляре.

Ань Линжун наклонилась, проверяя холод нефритовой кушетки, заглянула в сосуд со льдом и, очистив личи, почувствовала сладкую прохладу. Она улыбнулась и распорядилась:

— Убирайте всё аккуратно, нефрит легко поцарапать. Каждый день протирайте его мягкой тканью, не растрачивайте зря подарки Императора.

Бай Чжи послушно кивнула и принялась расставлять вещи. Вскоре прибежал евнух и доложил, что Чжоу Нинхай из дворца Икунь прислал приглашение. Ань Линжун села и велела впустить его. Чжоу Нинхай, войдя в зал и ощутив приятную прохладу, а также заметив щедрые императорские дары, с глубоким почтением поклонился:

— Приветствую госпожу Вэнь. Через три дня принцессе Вэньи исполнится год, и Благородная супруга Хуа устраивает праздничный пир в павильоне Пионов. Император уже милостиво согласился присутствовать, поэтому просил госпожу обязательно прийти.

С этими словами он поднёс приглашение, написанное на красной бумаге с золотом. Ань Линжун взяла его и положила на стол, ответив ровным и вежливым тоном:

— Передайте Благодарность евнуху Чжоу. День рождения принцессы — великое событие, я непременно буду вовремя.

Чжоу Нинхай вежливо попрощался и отправился разносить приглашения дальше. Когда он ушёл, Цин Лань тихо сказала:

— Благородная супруга Хуа затеяла пышный пир, явно хочет блеснуть и показать свою власть в павильоне Пионов.

Ань Линжун откусила кусочек охлаждённой дыни:

— Нам достаточно подготовить подарок. Принеси пару нефритовых замков «долголетия» из моей кладовой в качестве дара принцессе Вэньи.

Тем временем во дворце Лоуюэкайюнь Благородная супруга Хуа была всецело поглощена приготовлениями. Она выбирала из представленных чертежей всё самое роскошное: сладости должны были прибыть из Цзяннани, музыканты — лучшие из музыкального ведомства, а сам павильон Пионов она приказала украсить цветами так, чтобы это выглядело максимально расточительно.

— Годовалый день рождения принцессы должен быть отпразднован пышно, чтобы Император остался доволен, — заявила она, помахивая веером. — Я хочу, чтобы весь гарем знал, каков вес принцессы Вэньи в сердце Императора, и чтобы он помнил о моём усердии.

Чжоу Нинхай доложил о раздаче приглашений. Узнав, что Ань Линжун приняла его, супруга Хуа спокойно кивнула:

— Ань Линжун всегда была тихой, пусть приходит. Что касается наложниц низкого ранга, пусть следуют правилам и не нарушают этикета на пиру.

Она думала лишь о том, как через пир укрепить свою власть и благосклонность Императора, совершенно не подозревая, что в Чанчуньсяньгуань Чжэнь Хуань усердно репетирует танец «Изумление дикой гуси». Императрица уже расставила сети, чтобы принудить Чжэнь Хуань выступить на пиру. В этот раз, без интриг Цао Циньмо, Чжэнь Хуань всё равно должна была станцевать. Для супруги Хуа она оставалась лишь опальной мелкой госпожой, не заслуживающей внимания, поэтому она не следила за тем, что та репетирует каждый день.

Цао Циньмо, прижимая к себе принцессу Вэньи, вторила:

— Вы всё устроили безупречно, Ваше Величество. Император непременно будет доволен.

Благородная супруга Хуа самодовольно улыбнулась, не ведая, что Чжэнь Хуань затмит её на этом пиру.

В западном флигеле Чанчуньсяньгуань окна и двери были плотно закрыты. Танцовщицы музыкального ведомства наблюдали за тем, как Чжэнь Хуань репетирует танец — её рукава летали, движения были лёгкими, каждое из них было точной копией движений покойной Императрицы Чуньюань. Чжэнь Хуань тренировалась день и ночь, стирая ноги в кровь, лишь бы через три дня ошеломить всех и вернуть милость.

Цзянь Цю стояла в коридоре и, глядя на прилежную Чжэнь Хуань, удовлетворённо вернулась в главный зал доложить Императрице:

— Ваше Величество, танец непостоянной госпожи Вань доведён до совершенства, а её грация и манеры в точности повторяют Императрицу Чуньюань. Ждём дня пира.

Императрица перебирала чётки:

— Хорошо. Храните это в строжайшем секрете, ни слова супруге Хуа.

Она хотела, чтобы та оставалась беспечной, а появление Чжэнь Хуань в образе Чуньюань внезапно вырвало у неё милость. Пусть они борются друг с другом, а она пожнёт плоды.

— Рабыня поняла, всё будет безупречно, — ответила Цзянь Цю.

В павильоне Тяньжаньтухуа Шэнь Мэйчжуан, получив приглашение, просто приготовила положенный подарок. Она не любила ссор и, зная, что Хуань-эр прибегла к помощи Императрицы, втайне тревожилась, но была не в силах на что-либо повлиять.

В Юаньминъюань расцветали лотосы, а ивы покачивались на ветру. Ань Линжун бережно ухаживала за орхидеей, которую привезла с собой, мягко поглаживая листья. Бай Чжи принесла подарок для проверки — нефритовый замок был тёплым на ощупь, а к нему прилагались два рулона тончайшего шёлка.

— Оставьте так, — Ань Линжун взглянула на них и подошла к сосуду со льдом. Прохлада заполняла зал, хрустальные шторы тихо позвякивали.

Через три дня установилась ясная погода. Павильон Пионов был украшен с небывалой роскошью. Тысячи цветов распустились в полную силу, а вокруг столов стояли сосуды со льдом и освежающими напитками. Музыканты ждали начала торжества.

Благородная супруга Хуа в парадном наряде, расшитом пионами, с принцессой Вэньи на руках встречала гостей. Она сияла от успеха: сегодня этот пир принадлежал ей. Наложницы рассаживались по своим местам, Ань Линжун в нежно-белом платье с вышитой орхидеей и единственной заколкой выглядела скромно и элегантно. Она поднесла подарок, и супруга Хуа, видя её учтивость, жестом указала на место.

Как только наступил благоприятный час, прибыл Юнчжэн, а за ним — Императрица. Все склонились в поклоне. Юнчжэн, увидев принцессу, смягчился, и пир начался. Супруга Хуа весь вечер усердно прислуживала, развлекая принцессу, Император был в отличном настроении и щедро осыпал её наградами.

После нескольких смен вина супруга Хуа приказала танцовщицам выйти. Музыка гремела, но Император лишь слегка кивал — особого восторга не было. Когда танец подходил к концу, Императрица отставила чашку и с лёгкой улыбкой произнесла:

— Сестра Хуа очень старалась, но обычные танцы лишены новизны. Я слышала, что непостоянная госпожа Вань, Чжэнь Хуань, усердно репетировала танец «Изумление дикой гуси». Думаю, это станет отличным украшением дня рождения принцессы.

Супруга Хуа нахмурилась и резко ответила:

— Императрица шутит! Чжэнь Хуань — наложница низкого ранга, разве может она нарушать порядок на празднике принцессы своим танцем?

Не успела она договорить, как раздался громкий мужской голос — это был князь Дунь, известный своим прямолинейным характером и любовью подколоть четвёртого брата:

— Танец «Изумление дикой гуси» в исполнении покойной Императрицы был непревзойдённым. Мне любопытно, кто осмелился повторить его сейчас. Почему бы не дать ей шанс? Пусть покажет, на что способна.

Супруга Хуа лишилась дара речи. Юнчжэн, чьё сердце и так дрогнуло от упоминания сходства Чжэнь Хуань с Чуньюань, услышав слова князя, поддался нахлынувшим воспоминаниям. Он подавил гнев супруги Хуа и промолвил:

— Десятый брат прав. Раз уж госпожа Вань старалась, пусть станцует.

Императорское слово — закон. Как бы ни злилась супруга Хуа, она была вынуждена сесть, впиваясь ногтями в ладони от ненависти.

Чжэнь Хуань вошла в центр зала в бело-розовом платье. Её лицо было мягким, а в чертах проскальзывало нечто от Чуньюань. Императрица подала знак, и музыканты начали мелодию. Чжэнь Хуань закружилась, её рукава взлетали, как плывущие облака, а движения были лёгкими и точными. Юнчжэн замер, глядя на неё с восторгом и тоской — казалось, перед ним ожила юная Чуньюань.

Всё стихло. Заворожённая площадка наблюдала за танцем. Когда он закончился, Чжэнь Хуань склонилась в поклоне, слегка запыхавшись. Юнчжэн не скрывал радости:

— Хорошо! Прекрасна, как летящая гусь, грациозна, как парящий дракон! Ван-Вань, сколько ещё сюрпризов ты хранишь?

Тут же последовал указ:

— За заслуги при исполнении танца повысить непостоянную госпожу Вань до госпожи Вань! Наградить!

Чжэнь Хуань, коснувшись головой пола, ликовала — она выиграла эту ставку. Лицо супруги Хуа стало пепельно-серым. Пир, который должен был прославить её, превратился в триумф Чжэнь Хуань. Она дрожала от ярости, а принцесса Вэньи, испугавшись, заплакала. Супруга Хуа, с трудом сдерживаясь, удалилась, бросив на Чжэнь Хуань полный яда взгляд.

Новоиспечённая госпожа Вань обрела невиданную милость. Императрица распорядилась переселить её в павильон Шансятяньгуан, что в ста шагах от личных покоев Императора. Он стал навещать её ежедневно, днём читая книги и играя в шахматы, а ночью заказывая её табличку. Всего за несколько дней Чжэнь Хуань стала самой обсуждаемой наложницей после супруги Хуа. Она наслаждалась милостью, помнила о доброте Императрицы, посещала её дворец, но втайне опасалась мести супруги Хуа, действуя с предельной осторожностью.

А в дворце Лоуюэкайюнь царил иная атмосфера. После пира супруга Хуа вернулась в покои и перебила весь фарфор. Три дня она была мрачнее тучи, срывая гнев на слугах. Чжоу Нинхай пытался найти хоть какие-то огрехи в действиях Чжэнь Хуань, но та вела себя безупречно. Супруга Хуа не могла уснуть, будучи бессильной что-либо изменить.

Однажды днём Ань Линжун сидела у окна, практикуясь в каллиграфии. Бай Чжи принесла холодный напиток и тихо сказала:

— Госпожа, в Внутреннем ведомстве говорят, что князь Дунь, выпивая с Императором, невзначай упомянул четвёртого принца. Сказал, мол, родной сын Императора скоро станет десятилетним, а живёт в отдалённом павильоне Жуйи. Император пришёл в ярость, отчитал князя и ещё больше возненавидел четвёртого принца, заявив, что тот не знает сыновней

почтительности, и урезал его содержание наполовину.

Рука Ань Линжун с кистью слегка дрогнула, оставив кляксу на бумаге. Она знала о четвёртом принце Хунли. Этот отвергнутый принц, живущий в Юаньминъюань, станет будущим императором Цяньлуном. В оригинальной истории из-за низкого происхождения матери и того, что он родился не вовремя, Юнчжэн его не жаловал. На том пиру князь Дунь своими словами лишь ухудшил положение ребёнка.

— Поняла, — Ань Линжун отложила кисть, вытерла пальцы платком и сказала ровным голосом, в котором не было полного безразличия, — О делах гарема нам лучше помалкивать. А о принцах — тем более не наше дело. Свои двери держите закрытыми.

Она понимала лучше других: нет ничего опаснее для наложницы, чем близость к принцам. Юнчжэн был подозрителен и ненавидел, когда кто-то вмешивается в дела сыновей, особенно когда речь шла о презируемом четвёртом принце. Даже зная, что этот ребёнок не будет вечно сидеть в тени, она не могла позволить себе даже коснуться этой темы.

Тем временем в самом отдалённом павильоне Жуйи десятилетний Хунли стоял под палящим солнцем, слушая своего слугу Сяо Юньцзы, который, едва не плача, докладывал:

— Принц, люди из Внутреннего ведомства сказали, что Император приказал сократить наше довольствие вдвое. Даже риса и муки дают лишь половину... Как же нам жить дальше?

Хунли был одет в старый, выцветший наряд. Несмотря на то что он был ещё ребёнком, в его глазах читалась не по годам развитая сдержанность. Он лишь глухо ответил:

— Раз урезали — значит, так тому и быть. Будем экономить, как-нибудь проживём.

Но он знал: урезание пайка — лишь верхушка айсберга. Настоящая беда была в том, что презрение Императора достигло такого предела, что даже упоминание его имени вызывало гнев. С тех пор как он начал себя помнить, он почти не видел отца, живя в самом забытом углу сада, словно тень. Он хотел учиться, но у него не было наставника; он хотел выразить почтение, но не мог увидеть лица Императора. Слуги гарема, видя, что он лишился милости, открыто пренебрегали им.

— Принц, — после долгих колебаний прошептал Сяо Юньцзы, — мы ведь не можем вечно так жить...

<http://bllate.org/book/21976/2283848>